

Зульфукар Зульфукаров

2000

километров

ПО КАНАТАМ

Документальная повесть

Но Яраги не послушал их и отдал Рабадану десять рублей.

Скандал был прекращен.

Еще через год Дагестан праздновал свое пятнадцатилетие. На этот большой народный праздник Яраги Гаджикурбанов приехал с пятью товарищами-канатоходцами: Рабаданом Абакаровым, его братом Магомедгусейном Абакаровым, Магомедом Загирбековым, Сабиролой Курбановым, Садыком Улубиевым.

Они вышли на ковер под звуки торжественного партизанского марша. На всех — брюки в обтяжку и свободные светлые рубашки. Зрители сначала увидели каскад передних, задних и боковых сальто-мортале, кульбиты, прыжки на руках. Ритм движений, полет мускулистых тел впечатлялся в воинственную музыку, с которой отцы и деды шли в бой за свободу родного края.

А вот в воздухе замелькали голубые, остро отточенные лезвия кинжалов. Зрители затаили дыхание. Еще бы! Одно неверное движение — и акробаты ранят себя. Потом следует мостик на шести кинжалах!

Под аплодисменты и одобрительные возгласы зрителей канатоходцы взбираются на канат. Все выступление венчает переднее и заднее сальто на канате. При этом слабые зрители закрывают глаза.

После праздника юные канатоходцы бы-

ли приняты членами правительства Дагестана. Впервые видел здесь Яраги видных революционеров, героев гражданской войны, о которых народ слагал легенды: Джелала Коркмасова, Нажмутдина Самурского, Алибека Тахо-Годи, братьев Далгат, Муслима Атаева, Рабадана Нурова, Юсупа Шовкринского и других.

Коркмасов сказал, что они поедут в Пятигорск и Кисловодск, где будет проходить праздник народов всего Северного Кавказа. Правительство надеется, что они не уронят чести Дагестана.

Канатоходцы горячо уверяли, что все будет хорошо.

— А мы и не сомневаемся, — рассмеялся секретарь обкома партии Нажмутдин Самурски. Потом он распорядился, чтобы Торгсин одел и обул ребят с головы до ног.

— По одному такому костюму, праздничному, — он показал на свою череску с серебристыми газырями, — и по одному для работы на канате.

Тут же был решен вопрос, кто будет сопровождать акробатов в качестве зурнистов. Им оказался Абуталиб Гафуров, ныне народный поэт Дагестана.

И в Пятигорске, и в Кисловодске пехлеванов принимали восторженно. Газетные отзывы неизменно начинались словами: «Изумительно!», «Фантастично!», «Небывалый успех!».

Смущенным ребятам, «как девушкам», подносили букеты цветов, обнимали их, це-

ловали. К ним в гости пришли клоуны Бим-Бом и сказали, что они станут большими артистами, у них, мол, для этого есть все данные.

Потом в двери едва протиснулся геркулесоподобный мужчина. Яраги сначала подумал, что к ним идет знаменитый боец Сали-Сулейман. Но оказалось, что это был директор цирка в Киеве Давид Семенович Вольский.

Вольский без обиняков предложил ребятам поехать с ним в Киев. Они станут профессиональными артистами.

Бим-Бом одобрительно подмигнул: мол, что мы говорили. Все ребята без колебаний согласились. Один только Яраги мялся.

— Выкладывай, в чем дело? — спросил его Вольский.

— У меня дома мать и сестры, у которых, кроме меня, нет кормильца.

— Будешь артистом, будешь зарабатывать, будешь посылать. Кроме того, ты можешь взять с собой и мамашу. Создадим условия. Не робей, хлопчик! Выше нос!

— У меня конь, на котором я призы брал...

— Ну, брат, это не мужской разговор. Конь! У меня дома тоже много всякого есть. Тебе предлагают стать артистом цирка. Цирка! Вникни! Жена есть?

— Какая жена? Мне еще восемнадцать лет нет.

— А кто тебя звал? Ваши дагестанцы иногда такие номера откалывают, что диву даешься. Даже в четырнадцать лет женятся. А ты не женись, поджди. Мы тебя в Киеве на чернойбровой хохлушке-хохотушке женим.

Отступать, как говорится, было некуда, и Яраги согласился.

В Киеве Вольский повел ребят первым делом на Крематик, потом на Днепр. После купания зашли на кондитерскую фабрику. Ребята с интересом смотрели, как делается конфеты, сверкали глазами на «хохлушек-хохотушек», а те подтрунивали над ними и пичкали конфетами.

Никогда Яраги не ел так много сладкого и никогда не видел столько красивых девушек. И от того, и от другого кружилась голова. А у канатоходца она не должна кружиться!

Были и в колхозе. Там дали представле-

ние. В благодарность их так попотчевали украинским борщом, что на следующее утро невозможно было тренироваться.

А тренировались они много. В основном им прививали артистичность. Уроки давал главный режиссер цирка Арнольд, художественный руководитель ленинградского цирка Михельсон, акробаты-прыгуны «Знавалды №9». Самый лучший из Знавалды Григорий Чайченко, например, учил делать темповые сальто-мортале. Однажды Яраги сделал в темпе восемь сальто, а на девятый раз свалился на голову. Потом он три дня с завистью смотрел, как тренировались его товарищи. Ему тренироваться было нельзя. Шея нестерпимо болела: ее нельзя было даже повернуть.

По просьбе Вольского Ленинский райком комсомола пригласил к ребятам учительницу русского языка, и вскоре они стали понимать все, что им говорили. А до этого приходилось прибегать к жестам или к помощи «доморожденного» переводчика Магомедгусейна Абакарова, который и сам объяснялся по-русски с грехом попенал.

И вот они артисты цирка! Они снова в Пятигорске, где их «подобрал» замечательный человек Давид Семенович Вольский, ветеран цирка. Потом им рукоплескали в Ростове, Виннице, Орле, Симферополе, Севастополе, Сочи, Ялте, Москве, Ленинграде, Одессе.

В Одессе их вызывали 16 раз на «бис». Директор одесского цирка Павел Петрович Ткаченко не смог сдержать своих чувств и переползал всех. Он и Вольский ушли от них со слезами радости на глазах. Весь вид их словно говорил: «Да! Это настоящие артисты цирка!»

По всем этим и другим городам Яраги сопровождала его старая мать Джарият. Уютно пристроившись в уголке купе, она рассказывала попутчикам о том, как ее сын с бесовскими предпринимателями обошел пешком всю Среднюю Азию. Пересекал пустыни, лазил по горам Памира. Выступал в городах (перечисляя, она загибала пальцы) Красноводск, Ашхабад, Чарджоу, Каттакурбан, Душанбе, Гисар, Куляб...

Рассказывала, как предприниматели заплатили ее сыну 60 рублей за шестимесячные изнурительные выступления, и сын купил на эти деньги коня. А было ему в

то время восемь лет. Другой бы эти деньги истратил на игрушки, сласти, а он, мой сын, не такой!

А сейчас о нем заботятся хорошие люди, заботится государство, он не калечит себе ног о длинные, как миллион канатов, дорожки, а ездит на курьерских поездах да еще в мягком вагоне. И везде — почет ее сыну, и везде ему уважение.

Попутчики согласно кивали головами и поглядывали на сладко посапывающего во сне юнца, который ездит в мягких вагонах по всему большому Союзу, и везде им восхищаются, и везде им восторгаются...

Потом она начинала рассказывать о том, как ее Яраги украл у учителя портрет Ленина, показывал его людям и говорил: «Это мой отец». С тех пор прошло больше десяти лет, а портрет Ленина он и сейчас хранит в специальном кармане на груди.

Потом она рассказывала, как ее Яраги отомстил жестокому мулле Рамазану... Потом рассказывала... Ох, эти матери! Они готовы рассказывать о своих детях бесконечно.

Джарият присутствовала на всех репетициях. А потом втихомолку от сына сама стала учиться ходить по канату. И научилась! И ходила! Босиком! В свои 68 лет!

В Астрахани стала плясать на канате. Это увидел экибрист на канате, заслуженный артист РСФСР Владимир Вольжанский и обмер.

Прибежал Яраги и прогнал мать с каната.

— Ну и ну! — воскликнул Вольжанский. — Если ваша старуха-мать на канате такое выкомаривает, то представляю себе, что отучиваюете вы.

И ушел, удивленно качая головой. А мать, как ни в чем ни бывало, сидела среди артистов, которые пришли посмотреть на тренировки дагестанских канатоходцев и рассказывала, как ее Яраги с бесовскими предпринимателями обошел пешком всю Среднюю Азию, работал как вол, а получил за шесть месяцев всего 60 рублей, тогда как бесовские предприниматели на деньги, вырученные от гастролей, построили себе дома и обзавелись немалой живностью. А сейчас ее Яраги... Вы не смотрите, что он строгий. Это на вид. На самом деле, он очень мягкий и

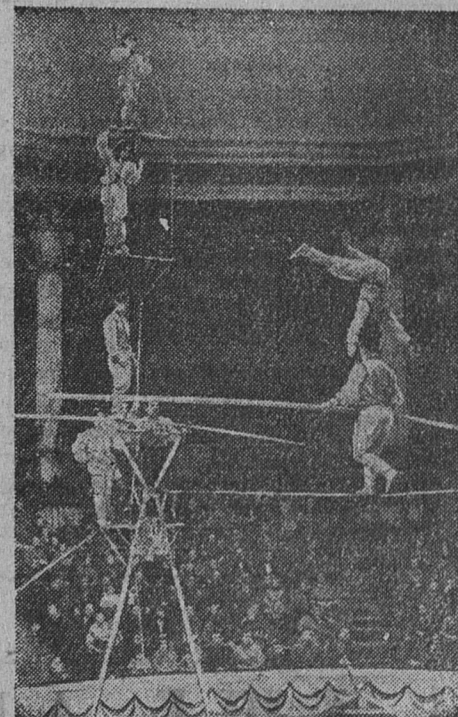
добрый. Я мать. Мне ли не знать...

А артисты слушали и думали: «В таком возрасте с палочкой едва ходят, а она на канате пляшет. Ну и дела!»

ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ ТРЮК

Корреспондент еще одной шведской газеты:

— Я видел, как вы делали заднее сальто-мортале с завязанными глазами. А так не поверил бы. Это феноменально! Никто в мире не делает такое сальто-мортале на канате. Как вы приготовили этот трюк?

На снимке: на арене цирка.

(Продолжение следует).

Продолжение. Начало в № 119.